

*Е. И. Нестерова**

Судьба китайского храма во Владивостоке (конец XIX – начало XX вв.)

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию истории существования китайского храма во Владивостоке в конце XIX – начале XX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайцы, хуацяо, Владивосток, Гуань-ди, кумирня, Ли Цзяо, китайские купцы

Первый китайский храм во Владивостоке был построен, согласно сведениям, предоставленным в городскую думу китайским коммерческим агентом Ли Цзяо 李家鏊, на участке земли, купленном около 1880 г. китайскими купцами в самом центре города, вблизи улицы Светланской. Спустя несколько лет сменивший Ли Цзяо Гуй Фан 桂芳 сообщал китайскому посланнику в Петербурге, что буддийский храм во Владивостоке действовал с 1883 г. [1, л. 3]. По данным Ли Цзяо, через 4-5 лет после покупки земли, т. е. в 1885 г., участок, отведенный под китайскую кумирню, был обменен на другой, так как из-за отсутствия каменного православного храма городские власти не разрешили строительство каменного культового здания другой конфессии [2, л. 12].

Новый участок располагался «на тогдашней окраине города, на углу Последней и Корейской улиц, так называемом «Фельдшерском покосе». Как сообщала газета «Владивосток» в сентябре 1885 года: «...когда было управою проектировано создать от-

* Нестерова Елена Ивановна, к. и. н., доцент кафедры истории и теории культуры факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва), blb1@mail.ru

дельный китайский квартал, для которого отведена особая площадь земли, то манзы¹ прежде всего приступили к сооружению своего храма и двух при нем зданий: одно для помещения служителей храма, другое для лазарета. Последнее из этих зданий доведено почти до конца. Под храм сооружен каменный фундамент. На постройки уже собрано более десяти тысяч рублей» [8, с. 203].

После окончания застройки участка китайский подданный Александр Ван-ден-куй, исполнявший обязанности китайского старшины и переводчика в полиции, обратился в городскую администрацию за свидетельством на владение китайским обществом «показанной землей». Прошение, хранившееся в архиве городской управы, было помечено городским головой «В Думу», но решение по нему, по всей видимости, не принималось. На протяжении последующих лет документы на участок под кумирню оформлены так и не были [2, л. 35–36].

Это не помешало храму, посвященному Гуань-ди² 關帝, стать центром религиозной жизни владивостокских китайцев. На севере Китая, по свидетельству П. Шкуркина [11, с. 55] и В. М. Алексеева [7, с. 132], Гуань-ди часто называли «лао-е» 老爺 («господин»). Основой образа Гуань-ди послужил реальный человек по имени Гуань Юй (關羽, 160–219), прославившийся бесстрашием и верностью своему правителю Лю Бэю (劉備, 162–223). Его чтили и буддисты, и даосы, и конфуцианцы. В деревнях его почитали как бога-заступника, который откликается на любую просьбу, главным образом о богатстве и потомстве. Его могли просить обо всем — от исцеления от болезней, до ниспослания дождей или защиты от наводнений. Культ Гуань-ди пользовался популярностью как среди маньчжуров, так как Нурхаци объявил его покровителем своей династии [9, с. 338], так и среди китайцев. В XIX в. в Китае насчитывалось 1 600 государственных храмов Гуань-ди и 1 тыс. мелких.

В течение четырнадцати лет во владивостокском храме проводились богослужения — жертвоприношения совершались в 15-й

¹ В основном массиве документов делопроизводства в Приамурском генерал-губернаторстве и региональной прессе этнонимы «китайцы» и «манзы» (вероятно, от кит. *маньцзы* 蠻子 «ожные варвары», что использовалось для обозначения китайцев-южан. — *Ред.*) выступают в качестве синонимов. Подробнее об интерпретации термина [10, с. 68–70].

² В китайской народной мифологии и позднем официальном культе бог войны.

день 2-й луны и в 13-й день 5-й луны, а воскурения — в 15-й день каждой луны [8, с. 205].

До того как в городе были построены китайские театры, рядом с кумирней давались представления. При этом подмостки устраивались напротив главного алтаря, и дверь приоткрывалась, «чтобы дух мог тоже насладиться игрой актеров» [6, с. 52].

Многие церемонии «сопровождались громкой музыкой, барабанным боем, грохотом взрываемых ракет и хлопушек. Отсюда во время китайских праздников начинались торжественные многолюдные шествия по улицам города» [8, с. 205], в том числе и новогоднее шествие с драконом. Как вспоминал журналист и краевед С. И. Бельденинов: «Шествие начиналось от кумирни, шло вдоль всей Светланской улицы до Матросской слободки в Гнилом Углу и обратно к кумирне. Китайцы несли огромного дракона, выделанного из прозрачной, как тонкое стекло, рыбьей кожи. Кожа эта, натянутая на обручи, состояла из двенадцати круглых цилиндров, соединенных между собой. Первый — голова с разинутым ртом и длинным жалом — и последний — хвост — имели своеобразное построение; средние — туловище — одинаковые цилиндры, не менее метра радиусом. Все цилиндры соединены между собой, внутри украшены цветными фонариками, снаружи прикреплены к длинным бамбуковым палкам, с помощью которых и несут дракона. При движении то голова, то хвост, то средняя часть — спина дракона — поднимаются и опускаются; создается впечатление, точно дракон изгибается. Процессию сопровождают живущие в городе буддисты: китайцы, корейцы; что-то напевают, порой кричат, ибо чтобы быть услышанным, Бога надо будить, поэтому усиленно хлопают хлопушки, раздается фейерверочная стрельба. Бенгальские огни и ракеты — особенные, китайские. Шествие происходит после полудня, огней фейерверка почти не видно, слышны только усиленное хлопанье, свист, взрывы в воздухе, и на маленьких парашютах опускаются с воздуха фигурки: драконы, слоны, обезьянки, черепахи, свинки, птицы наполняют воздух, падают на плечи...» [цит. по: 8, с. 174].

В 1886 г. в городе разразилась эпидемия холеры, и, согласно журналу Думы от 7 сентября 1886 г. за № 62/1706, китайское общество временно уступило имевшийся при кумирне «дом бонзы» для устройства городом холерной больницы на 6 кроватей [2, л. 35].

Со временем в недрах канцелярии городской администрации документы об отведении земли под кумирню затерялись, и в конце 90-х гг. XIX века вопрос о законности расположения китайского храма на улице Корейской вновь актуализировался. Город

рос, нуждался в социальных объектах, в том числе и в больнице, и в 1896 г. городская дума приняла решение о размещении больницы на Фельдшерском покосе. Уже в ходе строительства больницы медики усмотрели недопустимость близкого соседства с кумирней. В связи с этим в 1898 г. вновь возник вопрос о переносе кумирни на новое место. Разумеется, это вызвало протест у представителей китайской общины. Ли Цзяо писал: «...периодический перенос кумирни, чтимой народом китайским, может вызвать кроме расходов главным образом неудовольствие со стороны китайского населения, так как кроме самой кумирни чтится и самое место, на котором кумирня находится [2, л. 12 об.]».

Однако свои аргументы были и у противной стороны. В январе 1899 г. старший врач владивостокской городской больницы П. С. Тенчинский обратился в городскую управу с просьбой о переносе китайского храма подальше от нового павильона больницы, так как, собираясь толпами, китайцы «засоряют почву» вокруг больницы, во время праздников постоянно шумят трещотки, кроме того, во дворе кумирни находятся временные (до отправки тел в Китай) захоронения умерших [2, л. 15]. Городская управа сделала попытку найти компромиссное решение. Городской голова Федоров отмечал, что перенос здания возможен только по обоюдному согласию, так как 16 лет назад кумирня уже была перенесена на указанное городом место. В свою очередь, китайский коммерческий агент провел работу среди своих соотечественников. Было обещано принять меры по предотвращению шума, устроить отхожие места, отказаться от хранения покойников во дворе кумирни, перенести ворота кумирни на западную сторону. Кроме того, 9 марта Ли Цзяо собрал китайских купцов, объяснил им ситуацию с китайским храмом и рассказал о выдвигаемых городской управой претензиях. Купцы выразили готовность построить забор вокруг здания кумирни, а также уполномочили коммерческого агента ходатайствовать о выделении земли под кладбище. В этом же году прекратилось шумное празднование Нового года. «Но уже через три года китайцы, со свойственной им изобретательностью, решили эту проблему, переместив «главный калибр» своего фейерверка в восточную часть города. (...) «19 января китайцы праздновали свой Новый год. (...) В конце Мальцевской улицы в горе китайцами самовольно построена небольшая кумирня. Сначала тут был один камень, а теперь целая ограда образовалась. Вот на этом месте и происходила пальба всю ночь» [8, с. 175].

В августе 1899 г. китайские купцы (более 40 человек) вновь обратились с прошением оставить кумирню на прежнем месте,

подтвердив свое намерение в двухмесячный срок построить кирпичную стену. Однако, по всей видимости, данные обещания исполнялись не всегда. Так и в 1900 г. городская управа была вынуждена взять расписку со старосты кумирни о том, что он обязуется в трехдневный срок убрать в склепы, находившиеся во дворе кумирни, тела трех умерших китайцев в трех гробах, подготовленные к отправке в Китай [2, л. 73].

Вопрос о переносе кумирни продолжал стоять на повестке дня. По предложению члена городской управы А. И. Толмачева в августе 1900 г. была избрана комиссия из представителей китайской общины города для определения нового места для храма. В ее состав вошли представители крупнейших фирм Итай, Юнхонган, Тун-ли [2, л. 74]. Поиск нового места занял около семи лет.

Постановлением городской думы от 17 июля 1907 г. городской управе поручалось решить вопрос с местным китайским обществом об условиях переноса кумирни в связи с тем, что занимаемое ею место необходимо для расширения территории городской больницы. После многочисленных переговоров управа выразила согласие принять следующие условия: увеличить будущий участок до 1200 кв. саженей (что в современной метрической системе соответствует площади около 5460 м²); выдать компенсацию в размере 5 тыс. рублей за перенос здания.

Кроме этих предложений, благосклонно воспринятых членами управы, были и отклоненные городской администрацией. Китайское общество хотело получить разрешение на право самостоятельного распоряжения участком — устроить там карьер по ломке камня, а когда камень будет выломан и участок станет ровным, построить жилые дома, доход от эксплуатации которых поступал бы в казну общества. Городская дума большинством голосов постановила выплатить обществу 5 тыс. рублей, но признала достаточным размер участка в 870 кв. саженей. Участок отводился на все то время, которое он будет использоваться под молитвенные и благотворительные надобности. Кроме постройки здания храма разрешалось возведение школы, богадельни и других просветительных и благотворительных учреждений — но не более того [4, л. 14–14 об.].

В 1908 г. Владивостокскому китайскому обществу взаимного вспомоществования городской управой было выдано удостоверение об отводе участка земли (870 кв. саженей), находившегося между улицами Покровской, Китайской и Лебедевской. Решением Владивостокской городской думы от 18 марта 1908 г. китайское общество обязывалось перенести старую кумирню, находившуюся рядом с городской больницей, и передать участок городу. После выполне-

ния этого предписания городская управа обещала выдать китайскому обществу компенсацию — 5 тыс. руб. [1, л. 2–2об.].

Китайское общество поручило инженеру разработать план кумирни, 17 сентября 1908 г. одобренный областным правлением, и приступило к строительству нового храма.

До конца 1908 года Китайское общество провело большие работы по планировке участка, «представлявшего собой сплошную скалу»; с первыми теплыми днями 1909 года началось строительство нового храма, при этом старая кумирня «доживала последние дни» в ожидании неизбежного сноса и передачи земельного участка городской больнице, в чем никто не сомневался [8, с. 213]. Однако в начале 1909 г., когда участок был спланирован, а здание подведено под крышу (по сведениям председателя Владивостокского китайского общества взаимного вспомоществования Машомо, был выстроен фундамент [4, л. 20]) ситуация неожиданно осложнилась. В феврале Епархиальное ведомство заявило протест по поводу постройки буддийской кумирни в 60 саженях от кладбищенской церкви. Архиепископ Владивостокский и Камчатский Евсевий отмечал, что служба у китайцев сопровождается грохотом и барабанным боем, нарушающим благочиние православного храма, а потому такое соседство «неудобно» и «недопустимо». Протест заявили и прихожане Покровской церкви, признавшие «оскорбительным для религиозного чувства» соседство языческого храма с православным [4, л. 18].

Пикантность ситуации добавляло и то, что принятие решения об отводе нового участка в 1908 г. состоялось в присутствии представителя духовного ведомства и тогда он не выразил сомнений и возражений. Кроме того, имелся и архитектурный план кумирни, утвержденный соответствующими органами, а строительное отделение областного правления утвердило решение думы. Машомо 24 марта 1909 г. отправил в городскую управу письмо, в котором объяснял, что, согласно утвержденному военным губернатором плану, высота стен храма будет составлять 3 сажени. При этом ее будут окружать сад и каменный забор высотой 1,5 сажени, что обеспечивает изолированность кумирни от Покровской церкви. По его мнению, не должны были докучать православным горожанам и китайские моления, совершаемые два раза в месяц — 1 и 15 числа. Однако эти аргументы не показались убедительными.

Для решения возникшей проблемы военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг (1860–1955) назначил специальную комиссию. 15 мая 1909 г. комиссия осмотрела участок. Все ее члены, за исключением представителя духовного ведомства, вы-

сказались за разрешение строительства кумирни, правда, обязав обнести участок стеной [1, л. 9 об.; 3, л. 83]. Тем не менее военный губернатор не согласился с мнением большинства. 3 июня он приказал приостановить стройку и предложил отвести новый участок для китайской кумирни. 12 июня 1909 г. городская земельная комиссия под председательством Н. А. Преображенского, еще раз рассмотрев это дело, не нашла нарушений в процедуре отвода участка, так как, по ее мнению, законный порядок был соблюден и близость кумирни от Покровской церкви не могла служить основанием для переноса³ [4, л. 16 об.].

По данным посланника в Петербурге Саинту, к моменту приостановления строительных работ китайская община уже затратила на строительство храма около 16 тыс. рублей, представители китайского владивостокского общества называли более скромную цифру — свыше 10 тыс. рублей, руководитель китайского общества Машомо в письме во Владивостокскую городскую управу в марте 1909 г. говорил о 8 тыс. рублях [1, л. 3; 3, л. 83; 4, 20 об.]. Согласно отчетам общества, постройка храма во Владивостоке обошлась в 1909 г. в 3 733 руб. 94 коп., в 1911 г. — 415 руб. 40 коп [5, л. 47 а, 50, 60].

Разрешение ситуации затянулось на годы — и так и не совершилось. В 1916 г. представители Китайского общества взаимного вспомоществования все еще подавали прошения в городскую думу об отводе участка городской земли для переноса китайской кумирни с территории городской больницы. В конце концов в качестве альтернативного варианта город предложил северный склон Ново-Корейской слободки. В качестве частичной компенсации была предоставлена бесплатная ломка камня, однако выплатить 5 тыс. рублей, как просило китайское общество и предлагала городская земельная комиссия, возможным не сочли «ввиду тяжелого финансового положения» [3, л. 83 об.—84].

Единственное, что могли сделать городские власти для китайских верующих, — оставить им еще на какое-то время храм возле городской больницы. Но, «дабы не тревожить больных», число служб значительно сократили, разрешив их лишь по большим

³ Комиссия руководствовалась следующими соображениями. Статья 140 Строительного устава не могла быть применена к возникшей ситуации, так как она регулировала расстояния от синагог и молитвенных школ до православных храмов. Согласно ст. 1686 т. 11, ч. 1. Устава иностранных исповеданий постройка ламаистских кумирен осуществлялась администрацией без сношений с епархиальным начальством.

праздникам. В таком подвешенном состоянии старая китайская кумирня просуществовала до середины 1920-х годов, пока не была закрыта новой властью. Здание передали горбольнице, частично разрушив, частично перестроив и превратив в склад. Последний раз храм упоминается в справочнике «Весь деловой и торговый Владивосток» за 1924 год: «Кумирня китайская, улица Корейская, 30» [8, с. 215].

Источники

1. АВП РИ. Ф. 327, оп. 579, д. 88.
2. РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 234.
3. РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 504.
4. РГИА ДВ. Ф. 28, оп. 1, д. 652.
5. РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 2, д. 1001.

Литература

6. *Алексеев В. М.* В старом Китае. М., 1958.
7. *Алексеев В. М.* Китайская народная картина. М. Наука, 1966.
8. *Анча Д. А., Мизь Н. Г.* Китайская диаспора во Владивостоке: страницы истории. Владивосток: Дальнаука, 2015.
9. Мифы народов мира. Т. 1, 2. М., Минск, Смоленск, 1994.
10. *Нестерова Е. И.* Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004.
11. *Шкуркин П.* Упразднение религии в Китае // Вестник Азии. — 1916. — № 3.

*Elena I. Nesterova**

The Fate of Chinese Temple in Vladivostok (Late XIX – Early XX Century)

ABSTRACT: The article is devoted to the study of the history of the Chinese temple that existed in Vladivostok in the late XIX – early XX centuries.

KEYWORDS: Chinese, Huaqiao, Vladivostok, pagan temple, Guan-di, Li Jiaao, Chinese merchants

* Nesterova Elena Ivanovna, Ph. D. (History), Associate Professor, Department of Theory and History of Culture, Faculty of Cultural Studies, Russian State University for Humanities (Moscow), blb1@mail.ru